

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | EMPIRICAL RESEARCH

Научная статья | Original paper

Стиль воспитания: прямая реакция на ребенка или скрытая функция стресса и среды?

М.В. Балева^{1, 2}✉, Н.А. Руднова¹, И.В. Султанова^{1, 3}, Е.Н. Обухова¹

¹ Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований, Москва, Российская Федерация

² Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Российская Федерация

³ Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация

✉ mlenabaleva@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Стиль материнского воспитания является ключевым фактором развития ребенка, формируясь под сложным влиянием поведенческих, личностных и средовых детерминант. В условиях современной социальной динамики и урбанизации понимание механизмов родительского поведения требует многоуровневого анализа. Теоретической основой исследования выступили экологическая модель У. Бронфенбреннера и транзакционный подход А. Самероффа, описывающие взаимовлияние ребенка, родителя и среды. **Цель:** комплексно проанализировать вклад детского поведения, материнского стресса и типа населенного пункта в специфику материнского воспитания, проявляющуюся в позитивном, карательном и непоследовательном стилях. **Гипотеза.** Просоциальное поведение ребенка положительно предсказывает позитивный стиль воспитания, а проблемное поведение, материнский стресс и проживание в мегаполисе положительно связаны с использованием карательных и непоследовательных практик. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 840 матерей детей дошкольного возраста из Москвы ($n = 267$) и небольших городов Крыма ($n = 573$). Использовались: Краткая версия шкалы воспринимаемого стресса, Алабамский опросник воспитания и Опросник сильных сторон и трудностей. Для анализа данных применялся иерархический регрессионный анализ. **Результаты.** Подтвержден вклад детского поведения в стили воспитания. Материнский стресс вносит значимый дополнительный вклад в карательный и непоследовательный стили, но не влияет на позитивный стиль. Вопреки гипотезе, проживание в мегаполисе было связано со снижением выраженности как позитивного, так и карательного стилей. **Выводы.** Выявлена

Балева М.В., Руднова Н.А., Султанова И.В., Обухова Е.Н. (2026). Стиль воспитания: прямая реакция на ребенка или скрытая функция стресса и среды? *Клиническая и специальная психология*, 15(2), 169-183.

Baleva M.V., Rudnova N.A., Sultanova I.V., Obukhova E.N. (2026). Parenting style: A direct reaction to the child or a hidden function of stress and environment? *Clinical Psychology and Special Education*, 15(2), 169-183.

дифференцированная природа стилей воспитания: непоследовательный стиль является прямым следствием материнского стресса, карательный формируется под совместным влиянием поведения ребенка и стресса матери, а позитивный стиль устойчив к стрессу и тесно связан с просоциальным поведением ребенка. Обнаруженный парадоксальный эффект мегаполиса, снижающий полярные стили воспитания, интерпретируется как следствие эмоциональной отстраненности матери из-за повышенной усталости, что ставит под сомнение линейные модели родительского стресса.

Ключевые слова: стиль воспитания, материнский стресс, детское поведение, урбанизация, транзакционная модель, диадическое взаимодействие, дошкольный возраст

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Российской Федерацией в лице Минобрнауки России (Соглашение № 075-15-2024-526).

Для цитирования: Балева, М.В., Руднова, Н.А., Султанова, И.В., Обухова, Е.Н. (2026). Стиль воспитания: прямая реакция на ребенка или скрытая функция стресса и среды? *Клиническая и специальная психология*, 15(2), 169-183. <https://doi.org/10.17759/cpse.202615029>

Parenting style: A direct reaction to the child or a hidden function of stress and environment?

M.V. Baleva^{1,2}✉, N.A. Rudnova¹, I.V. Sultanova^{1,3}, E.N. Obukhova¹

¹ Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation

² Perm State National Research University, Perm, Russian Federation

³ Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

✉ milenabaleva@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Maternal parenting style is a key factor in child development, shaped by a complex interplay of behavioral, personal, and environmental determinants. Understanding the mechanisms of parental behavior requires a multilevel analysis in the context of modern social dynamics and urbanization. The theoretical foundation of the study is based on U. Bronfenbrenner's ecological model and A. Sameroff's transactional approach, which describe the mutual influence of the child, the parent, and the environment.

Objective: to comprehensively analyze the contribution of child behavior, maternal stress, and type of settlement to specific maternal parenting styles, manifested as positive, punitive, and inconsistent styles. **Hypothesis.** Prosocial child behavior positively predicts a positive parenting style, while problematic child behavior, maternal stress, and residence in a metropolis are positively associated with the use of punitive and inconsistent practices. **Methods and materials.** The study involved 840 mothers of preschool children from Moscow (n = 267) and small towns in

Балева М.В., Руднова Н.А., Султанова И.В., Обухова Е.Н. (2026). Стиль воспитания: прямая реакция на ребенка или скрытая функция стресса и среды? *Клиническая и специальная психология*, 15(2), 169-183.

Baleva M.V., Rudnova N.A., Sultanova I.V., Obukhova E.N. (2026). Parenting style: A direct reaction to the child or a hidden function of stress and environment? *Clinical Psychology and Special Education*, 15(2), 169-183.

Crimea (n = 573). The short version of the Perceived Stress Scale, the Alabama Parenting Questionnaire, and the Strengths and Difficulties Questionnaire were used. Data were analyzed using hierarchical regression analysis. **Results.** The contribution of child behavior to parenting styles was confirmed. Maternal stress made a significant additional contribution to punitive and inconsistent styles but did not affect the positive style. Contrary to the hypothesis, residence in a metropolis was associated with reduced expression of both positive and punitive styles. **Conclusions.** A differentiated nature of parenting styles has been identified: the inconsistent style is a direct consequence of maternal stress; the punitive style is formed under the combined influence of the child's behavior and the mother's stress; and the positive style is resistant to stress and closely related to the child's prosocial behavior. The discovered paradoxical effect of the metropolis, which reduces the expression of polar parenting styles, is interpreted as a consequence of the mother's emotional detachment due to increased fatigue, calling into question linear models of parental stress.

Keywords: parenting style, maternal stress, child behavior, urbanization, transactional model, dyadic interaction, preschool age

Funding. The study was supported by The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (the Research Project 075-15-2024-526).

For citation: Baleva, M.V., Rudnova, N.A., Sultanova, I.V., Obukhova, E.N. (2026). Parenting style: A direct reaction to the child or a hidden function of stress and environment? *Clinical Psychology and Special Education*, 15(2), 169-183. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.202615029>

Введение

Стиль материнского воспитания представляет собой сложный феномен, формирующийся под влиянием множества взаимосвязанных факторов. Его изучение является актуальным в условиях современной социальной динамики, урбанизации и растущих психоэмоциональных нагрузок. Понимание механизмов формирования родительской позиции требует многоуровневого анализа, поскольку данный феномен не может быть сведен к единой причине. Он складывается в результате сложного взаимодействия разноуровневых факторов (Bronfenbrenner, 1979; Plomin et al., 2016). Для его прогнозирования целесообразно рассматривать три уровня детерминации: внутрисредовой, представленный поведенческими проявлениями ребенка; субъективный, отражающий внутреннее состояние матери; и внешнесредовой, отражающий особенности среды, в которую включена семья (Belsky, 1984). В настоящем исследовании осуществляется анализ дифференцированного влияния этих разноуровневых предикторов на специфику материнского воспитания, проявляющуюся в позитивном, карательном и непоследовательном стилях.

Во внутрисемейной среде стиль родительского воспитания обычно рассматривается как фактор, детерминирующий поведение ребенка (Руднова и др., 2024). Исследования показывают, что позитивные воспитательные практики значимо связаны с просоциальным поведением и низким уровнем проблемных симптомов у детей (Alizadeh et al., 2011; Obaid,

Rashid, Kassim, 2021). Наоборот, неблагоприятные стили воспитания ассоциируются с повышенной тревожностью ребенка, его агрессивностью и другими поведенческими трудностями (Казакова, Соколова, 2021; Киселева и др., 2024). Данные взаимосвязи находят объяснение в теории привязанности (Bowlby, 1969) и теории социального научения (Bandura, 1977), согласно которым просоциальное или проблемное поведение является прямым следствием родительского примера и используемых в семье методов поощрений и наказаний (Козлов, 2025).

Вместе с тем, согласно транзакционной модели (Sameroff, 1975), развитие ребенка является продуктом непрерывного динамического взаимодействия (транзакций) между его индивидуальными характеристиками и воспитательной средой. Исследования показывают, что это влияние взаимно: стиль воспитания формирует поведение ребенка, которое, в свою очередь, выступает значимым предиктором стиля воспитания. Например, оппозиционно-вызывающее поведение ребенка способствует внедрению непоследовательной, «робкой» дисциплины со стороны родителя, что, в свою очередь, усугубляет проблему (Burke, Pardini, Loeber, 2008). Тревожность и подавленность ребенка могут способствовать развитию более теплого и поддерживающего стиля общения со стороны родителя, а агрессия и гиперактивность приводят к ослаблению позитивного взаимодействия (Serbin et al., 2015). Это означает, что для понимания стиля воспитания важно рассматривать его не только как причину, но и как следствие поведения ребенка.

Субъективный уровень детерминации предполагает учет индивидуальных особенностей матери и, прежде всего, ее субъективного благополучия как ключевого предиктора ее воспитательного поведения (Морозюк, Морозюк, Кузнецова, 2022). Результаты исследований свидетельствуют о том, что повышенный стресс напрямую связан со снижением использования адаптивных воспитательных стилей (Mak et al., 2020; Rudnova, Kornienko, 2024). Под влиянием стресса матери склонны прибегать к более ригидным и контролирующим стратегиям либо, наоборот, к пассивному и попустительскому поведению (Fonseca et al., 2020).

Кроме непосредственного контекста детско-родительских отношений, стиль воспитания в значительной степени детерминирован факторами внешней среды, которые образуют широкий социально-экономический и культурный фон семейного функционирования (Bronfenbrenner, 1979). К ним относятся такие макросредовые переменные, как социально-экономический статус семьи, уровень образования родителей, доступ к социальной поддержке, а также доминирующие в обществе культурные нормы и ценности, определяющие представления о «хорошем родительстве» (напр., Dzhasaidova et al., 2025). Особый интерес в рамках внешнесредовой детерминации представляет контекст урбанизации. В исследованиях обнаружено, что постоянная усталость и стресс родителей, вызванные перегруженностью и длительными поездками, делают их более раздражительными и нетерпеливыми, что повышает вероятность применения ими более жестких и авторитарных методов воспитания (Cooklin, Giallo, Rose, 2011; Hendriati, Okvitawanli, 2019).

Целью настоящего исследования является комплексный анализ детерминант материнского воспитания, включающих внешние (средовые) и внутренние (личностные) факторы. К внешним факторам отнесены характеристики семейной среды, в частности поведенческие

проявления ребенка, а также параметры более широкого социального контекста — тип населенного пункта (небольшой город или мегаполис). Внутренние факторы представлены показателями субъективного благополучия матери, а именно уровнем воспринимаемого стресса.

Было сформулировано три исследовательских *гипотезы*:

1. Показатели детского поведения вносят статистически значимый вклад в проявление разных стилей материнского воспитания: высокий уровень просоциального поведения ребенка положительно предсказывает использование матерью позитивного стиля воспитания, а проблемное поведение, гиперактивность и эмоциональные симптомы положительно связаны с карательным и непоследовательным стилями.
2. Материнский стресс вносит значимый дополнительный вклад в объяснение дисперсии стилей воспитания после учета влияния детского поведения: более высокий уровень стресса связан с использованием карательных и непоследовательных воспитательных практик.
3. Тип места проживания (город/мегаполис) вносит значимый дополнительный вклад в объяснение дисперсии стилей воспитания после учета влияния детского поведения и материнского стресса: проживание в мегаполисе в большей степени связано с использованием карательных и непоследовательных воспитательных практик.

Материалы и методы

Участники и процедура исследования

В исследовании приняли участие 840 матерей детей дошкольного возраста, проживающих в небольших городах Республики Крым (573 человека), и в мегаполисе — Москве (267 человек). Возраст участниц составил от 20 до 50 лет ($M = 36,32$, $SD = 5,07$). Возраст детей (48% мальчиков, 52% девочек) — от 4 до 7 лет ($M = 5,24$, $SD = 0,72$). Сбор данных осуществлялся анонимно через онлайн-платформу Testograf.

Методики

Испытуемым предлагалось ответить на вопросы трех диагностических методик: Краткой версии шкалы воспринимаемого стресса (Золотарева, 2023), Алабамского опросника воспитания (Логинова и др., 2016) и Опросника сильных сторон и трудностей (Петренко, 2022). Шкала воспринимаемого стресса состояла из 4 пунктов и включала один показатель — уровень воспринимаемого стресса матери ($\alpha = 0,60$). Алабамский опросник воспитания состоял из 17 пунктов и включал показатели трех стилей материнского воспитания: позитивного ($\alpha = 0,77$), карательного ($\alpha = 0,71$) и непоследовательного ($\alpha = 0,60$). Опросник сильных сторон и трудностей состоял из 25 пунктов и включал пять показателей поведения ребенка: гиперактивность ($\alpha = 0,77$), проблемы с поведением ($\alpha = 0,64$), проблемы со сверстниками ($\alpha = 0,51$), просоциальное поведение ($\alpha = 0,73$) и эмоциональные симптомы ($\alpha = 0,63$).

Анализ данных

Обработка результатов осуществлялась в программе JASP 0.19.2 с использованием описательной статистики и иерархического регрессионного анализа. Было построено три

регрессионных модели, соответствующих трем стилям материнского воспитания — позитивному, карательному и непоследовательному. Показатели данных стилей включались в модели как зависимые переменные. В качестве независимых переменных (предикторов) на первом шаге в каждую модель включались показатели детского поведения, на втором шаге — показатель материнского стресса, а на третьем шаге — тип места проживания (город/мегаполис).

Результаты

В табл. 1 приводится описательная статистика исследуемых показателей. Значения асимметрии и эксцесса позволяют признать распределение близким к нормальному.

Таблица 1 / Table 1

Описательная статистика показателей детского поведения, материнского воспитания и материнского стресса (N = 840)

Descriptive statistics for the variables of child behavior, maternal upbringing, and maternal stress (N = 840)

Показатели / Indicators	M (SD)	Min	Max	As	As (SE)	Ex	Ex (SE)
Поведение детей / Children's behavior:							
Гиперактивность / Hyperactivity	2,87 (0,82)	1,00	5,00	0,12	0,08	-0,38	0,17
Проблемы с поведением / Conduct problems	2,22 (0,69)	1,00	4,20	0,40	0,08	-0,33	0,17
Проблемы со сверстниками / Peer relationship problems	1,99 (0,57)	1,00	4,60	0,61	0,08	0,52	0,17
Просоциальное поведение / Prosocial behavior	4,07 (0,65)	1,00	5,00	-0,73	0,08	1,12	0,17
Эмоциональные симптомы / Emotional symptoms	1,84 (0,61)	1,00	4,40	0,78	0,08	0,57	0,17
Материнское воспитание / Maternal education:							
Позитивное / Positive upbringing	4,61 (0,39)	2,86	5,00	-1,29	0,08	1,78	0,17
Карательное / Punitive upbringing	1,85 (0,57)	0,83	5,00	1,21	0,08	2,93	0,17
Непоследовательное / Inconsistent upbringing	2,95 (0,71)	1,00	5,00	-0,20	0,08	-0,06	0,17
Стресс матери / Maternal stress	0,27 (0,16)	0,00	0,83	0,43	0,08	-0,01	0,17

Примечание: критические значения асимметрии и эксцесса (N > 300): As = 2; Ex = 7 (Kim, 2013, p. 53).

Note: critical values of skewness and kurtosis (N > 300): As = 2; Ex = 7 (Kim, 2013, p. 53).

Как сообщалось ранее, с помощью иерархического регрессионного анализа было построено три регрессионных модели, соответствующих трем стилям материнского воспитания. В таблице 2 представлена информация о статистической значимости полученных моделей, а также специфике вкладов показателей детского поведения, материнского стресса и места проживания в каждый стиль воспитания.

Таблица 2 / Table 2

Статистическая значимость иерархических регрессионных моделей материнского воспитания и инкрементальных вкладов материнского стресса и места проживания в стили воспитания детей

Statistical significance of hierarchical regression models of maternal upbringing and incremental contributions of maternal stress and place of residence to parenting styles

Название модели и иерархическая структура ее предикторов / Model name and hierarchical structure of its predictors	R ²	ΔR ²	p (ΔR ²)	F	p (F)
Модель позитивного воспитания / Positive upbringing model					
Шаг 1 (детское поведение) / Step 1 (child behavior)	0,08		< ,001	14,69	< ,001
Шаг 2 (материнский стресс) / Step 2 (maternal stress)	0,08	0,00	0,49	12,32	< ,001
Шаг 3 (город/мегаполис) / Step 3 (city/metropolis)	0,11	0,03	< ,001	14,98	< ,001
Модель карательного воспитания / Punitive upbringing model					
Шаг 1 (детское поведение) / Step 1 (child behavior)	0,13		< ,001	26,64	< ,001
Шаг 2 (материнский стресс) / Step 2 (maternal stress)	0,15	0,02	< ,001	25,31	< ,001
Шаг 3 (город/мегаполис) / Step 3 (city/metropolis)	0,16	0,01	< ,001	24,49	< ,001
Модель непоследовательного воспитания / Inconsistent upbringing model					
Шаг 1 (детское поведение) / Step 1 (child behavior)	0,03		< ,001	6,56	< ,001
Шаг 2 (материнский стресс) / Step 2 (maternal stress)	0,07	0,04	< ,001	11,61	< ,001
Шаг 3 (город/мегаполис) / Step 3 (city/metropolis)	0,07	0,00	0,69	9,97	< ,001

Результаты показали, что все полученные модели являются статистически значимыми. Модель позитивного воспитания демонстрирует, что детское поведение на первом шаге объясняет 8% дисперсии зависимой переменной. Добавление материнского стресса на втором шаге не приводит к статистически значимому приросту объяснимой дисперсии. Однако включение типа места проживания на третьем шаге вносит значимый дополнительный вклад, увеличивая объяснимую дисперсию до 11%.

Модель карательного воспитания имеет более высокую объяснительную силу по сравнению с другими моделями. Показатели детского поведения на первом шаге объясняют 13% дисперсии. Включение материнского стресса на втором шаге приводит к статистически значимому приросту дисперсии на 2%. Добавление места проживания на третьем шаге также вносит значимый инкрементальный вклад (1%), в результате чего итоговая модель объясняет 16% дисперсии.

Модель непоследовательного воспитания обладает наименьшей объяснительной силой по сравнению с остальными моделями. Детское поведение на первом шаге объясняет лишь 3% дисперсии. При этом добавление материнского стресса на втором шаге приводит к существенному и статистически значимому увеличению объяснимой дисперсии на 4%. Включение места проживания на третьем шаге не вносит значимого дополнительного вклада.

В табл. 3 приводится информация о составе иерархических регрессионных моделей стилей материнского воспитания.

Таблица 3 / Table 3

**Показатели статистической значимости и оценка коллинеарности предикторов
в итоговых моделях материнского воспитания**

**Statistical significance indicators and assessment of predictor collinearity in the final models
of maternal upbringing**

Модель и ее предикторы / Model and its predictors	B	β	t	p	T	VIF
Модель позитивного воспитания / Positive upbringing model						
Проблемы с поведением / Conduct problems	-0,05	-0,09	-2,11	0,04	0,55	1,82
Просоциальное поведение / Prosocial behavior	0,10	0,16	4,32	< ,001	0,81	1,24
Место проживания (мегаполис) / Place of residence (metropolis)	-0,15		-5,34	< ,001	0,94	1,06
Модель карательного воспитания / Punitive upbringing model						
Гиперактивность / Hyperactivity	0,07	0,09	2,38	0,02	0,64	1,56
Проблемы с поведением / Conduct problems	0,19	0,23	5,47	< ,001	0,55	1,82
Эмоциональные симптомы / Emotional symptoms	0,09	0,10	2,62	0,01	0,70	1,42
Стресс матери / Maternal stress	0,40	0,11	3,27	0,01	0,87	1,15
Место проживания (мегаполис) / Place of residence (metropolis)	-0,16		-4,09	< ,001	0,94	1,06
Модель непоследовательного воспитания / Inconsistent upbringing model						
Проблемы с поведением / Conduct problems	0,14	0,13	2,87	0,01	0,55	1,82
Стресс матери / Maternal stress	0,93	0,21	5,79	< ,001	0,87	1,15

Примечание: в таблицу включены только статистически значимые предикторы.

Note: only statistically significant predictors are included in the table.

В модели позитивного воспитания значимыми предикторами оказались два аспекта детского поведения, действующие в противоположных направлениях. Просоциальное поведение ребенка вносит положительный вклад ($\beta = 0,16$) в позитивное воспитание, в то время как проблемы с поведением — отрицательный вклад ($\beta = -0,09$). Фактор места проживания обнаружил значимый независимый вклад в позитивный стиль воспитания: проживание в мегаполисе оказалось ассоциировано с его меньшей выраженностью.

Модель карательного воспитания демонстрирует более сложную структуру детерминации. Вклад детского поведения является множественным. Наибольший стандартизованный коэффициент зафиксирован для проблем с поведением ($\beta = 0,23$). Вклад эмоциональных симптомов ($\beta = 0,10$) и гиперактивности ($\beta = 0,09$) также является значимым, хотя и менее выраженным. Оценка роли материнского стресса показала, что его вклад в карательное воспитание остается значимым даже после учета особенностей поведения ребенка ($\beta = 0,11$). Независимый вклад фактора проживания в мегаполисе, как и в случае с позитивным стилем, оказался значимым и был связан с меньшей выраженностью карательного стиля.

В модели непоследовательного воспитания вклад детского поведения был представлен только показателем проблем с поведением ($\beta = 0,13$). На этом фоне ключевым прогностическим фактором оказался материнский стресс ($\beta = 0,21$). Место проживания не оказало статистически значимого самостоятельного влияния на непоследовательный стиль.

Показатели коллинеарности ($T > 0,5$ и $VIF < 2$ для всех предикторов) находились в пределах допустимых норм. Это свидетельствует об отсутствии выраженной мультиколлинеарности между переменными.

Обсуждение результатов

Полученные данные подтверждают комплексный характер детерминации материнского воспитания. Выдвинутая гипотеза о вкладе детского поведения в стили материнского воспитания получила эмпирическое подтверждение. Как и в аналогичных работах (Burke, Pardini, Loeber, 2008; Serbin et al., 2015), обнаружено, что просоциальное поведение ребенка и отсутствие у него выраженных поведенческих проблем значимо предсказывают позитивный стиль воспитания, в то время как негативные поведенческие проявления, напротив, тесно связаны с дезадаптивными практиками. Карательный стиль значимо предсказывается поведенческими проблемами, эмоциональными симптомами и гиперактивностью ребенка, тогда как непоследовательный стиль ассоциируется только с проблемами поведения.

Гипотеза о дополнительном вкладе материнского стресса подтвердилась лишь частично. Как и предполагалось, стресс вносит значимый инкрементальный вклад в модели карательного и непоследовательного воспитания. Однако предположение о том, что позитивный стиль проявляется на фоне низкого стресса, не подтвердилось, так как его вклад в позитивный воспитательный стиль оказался статистически незначимым. Полученные результаты развивают идеи о роли материнского неблагополучия в воспитательном процессе, изложенные в предыдущих работах (Mak et al., 2020 и др.), и проясняют их отдельные аспекты.

Гипотеза о вкладе типа места проживания была опровергнута полученными данными. Вопреки ожиданиям, проживание в мегаполисе оказалось связано не с увеличением, а со снижением частоты использования как позитивных, так и карательных воспитательных практик. При этом для непоследовательного стиля вклад места проживания оказался незначимым. Этот результат противоречит исходному предположению о мегаполисе как среде, провоцирующей использование дезадаптивных практик, и указывает на более сложный характер влияния средового фактора.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о дифференцированной природе различных стилей воспитания. Так, непоследовательный стиль проявляется как наиболее зависимый от внутреннего состояния матери. Очень важную, если не определяющую, роль в формировании этого стиля играет стресс матери. Это позволяет интерпретировать его не как осознанную стратегию, а скорее как симптом психологического неблагополучия и истощения ресурсов саморегуляции. Карательный стиль, в свою очередь, демонстрирует сложную этиологию, возникая на стыке внешних вызовов, связанных с проблемным поведением ребенка, и внутренней предрасположенности матери, выраженной в стрессовом состоянии. Это указывает на двойственную природу карательного стиля, обусловленную как реакцией на объективные трудности, так и негативным эмоциональным состоянием. Особый интерес

представляет устойчивость позитивного стиля воспитания, который оказывается в наименьшей степени подвержен влиянию материнского стресса. Его тесная связь с просоциальным поведением ребенка позволяет предположить, что этот стиль в большей степени обусловлен позитивной диадической динамикой, чем внутренним состоянием или ситуативными реакциями матери.

Наиболее парадоксальным и поэтому теоретически значимым результатом оказалось влияние места проживания. Обнаруженная обратная связь проживания в мегаполисе с выраженностью как позитивного, так и карательного стилей воспитания ставит под сомнение линейные модели средового стресса и требует поиска более сложных объяснительных механизмов. К аналогичному выводу ранее пришли М. Пинкварт и Р. Каузер. Проведенный ими метаанализ культурной обусловленности связей стилей воспитания и академических достижений детей показал, что культурный контекст играет важную, но не всегда предсказуемую роль в последствиях применения того или иного воспитательного стиля (Pinquart, Kauser, 2018). Анализируя наши результаты, можно предположить, что меньшая выраженность полярных стилей воспитания у матерей, проживающих в мегаполисе, связана с их объективно меньшей вовлеченностью в непосредственное взаимодействие с ребенком. В отличие от классических проявлений стресса, таких как раздражительность и вспышки гнева, изматывающий ритм мегаполиса чаще порождает у матерей апатичность и своеобразный «уход» от активного воспитания.

Заключение

Ключевым результатом исследования стало выявление дифференцированной природы материнского воспитания. Установлено, что непоследовательный стиль является прямым следствием материнского стресса и истощения ресурсов саморегуляции, тогда как карательный стиль формируется под комплексным влиянием как поведенческих проблем ребенка, так и стрессового состояния матери. Позитивный стиль, демонстрирующий устойчивость к стрессу, теснее всего связан с просоциальным поведением ребенка, что предполагает его опору на позитивную диадическую динамику. Опровергнута прямолинейная связь дезадаптивных практик с проживанием в мегаполисе: обнаруженный феномен снижения выраженности как позитивного, так и карательного стилей объясняется, по всей видимости, эмоциональной отстраненностью матери вследствие повышенной усталости. Эти результаты углубляют понимание механизмов взаимодействия внутренних и внешних факторов воспитания и ставят под сомнение линейные модели родительского стресса, открывая перспективы для разработки адресной психологической поддержки. Полученные данные имеют междисциплинарную ценность и могут быть использованы не только в психологическом консультировании родителей, но и в сферах социальной политики и урбанистики для формирования среды, поддерживающей благополучие семьи в современном городе.

Ограничения. Во-первых, в исследовании измерялся общий уровень воспринимаемого стресса матери, но не учитывались его конкретные источники (финансовые трудности, количество детей в семье, супружеские конфликты, проблемы на работе и др.), которые могут опосредовать связь между стрессом и воспитанием. Во-вторых, данные были получены из единого источника — ответов матерей, что создает риск искусственного завышения связей

Балева М.В., Руднова Н.А., Султанова И.В., Обухова Е.Н. (2026). Стиль воспитания: прямая реакция на ребенка или скрытая функция стресса и среды? *Клиническая и специальная психология*, 15(2), 169-183.

Baleva M.V., Rudnova N.A., Sultanova I.V., Obukhova E.N. (2026). Parenting style: A direct reaction to the child or a hidden function of stress and environment? *Clinical Psychology and Special Education*, 15(2), 169-183.

между переменными. В-третьих, оценка матерями поведения ребенка и собственного стиля воспитания могла быть подвержена социальной желательности.

Limitations. First, the study assessed the global perceived stress of mothers but did not account for its specific sources (e.g., financial difficulties, number of children in the family, marital conflicts, work-related problems), which may mediate the relationship between stress and parenting practices. Second, the data were obtained from a single informant — the mothers' self-reports — which carries the risk of artificial inflation of correlations between variables due to common method variance. Third, maternal reports of their children's behavior and their own parenting styles may have been subject to social desirability bias.

Список источников / References

1. Золотарева, А.А. (2023). Психометрические свойства русскоязычной версии Шкалы воспринимаемого стресса (версии PSS-4, 10, 14). *Клиническая и специальная психология*, 12(1), 18—42. <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120102>
Zolotareva, A.A. (2023). Psychometric properties of the Russian version of the Perceived Stress Scale (PSS-4, 10, 14). *Clinical Psychology and Special Education*, 12(1), 18—42. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120102>
2. Казакова, Е.В., Соколова, Л.В. (2021). Сравнительный анализ эмоционального здоровья первоклассников при разных стилях семейного воспитания. *Российский психологический журнал*, 18(4), 18—29. <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.2>
Kazakova, E.V., Sokolova, L.V. (2021). A comparative analysis of emotional health among first-grade children raised with different parenting styles. *Russian Psychological Journal*, 18(4), 18—29. (In Russ.). <https://doi.org/10.21702/rpj.2021.4.2>
3. Киселева, М.Г., Комиссаренко, А.О., Виноградова, В.Д., Еремина, С.А., Асланова, М.С. (2024). Связь стилей родительского воспитания с учебной мотивацией и эмоциональным состоянием подростков в условиях цифровизации. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 17(3), 96—113. <https://doi.org/10.11621/TEP-24-26>
Kiseleva, M.G., Komissarenko, A.O., Vinogradova, V.D., Eremina, S.A., Aslanova, M.S. (2024). The relationship between parenting styles and adolescents' educational motivation and emotional state in the context of digitalization. *Theoretical and Experimental Psychology*, 17(3), 96—113. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/TEP-24-26>
4. Козлов, М.Ю. (2025). Теория привязанности и физическое благополучие. *Национальный психологический журнал*, 20(3), 125—135. <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0310>
Kozlov, M.Yu. (2025). Attachment theory and physical well-being. *National Psychological Journal*, 20(3), 125—135. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2025.0310>
5. Логинова, С.В., Слободская, Е.Р., Козлова, Е.А., Корниенко, О.С. (2016). Адаптация опросника для изучения практик родительского воспитания детей дошкольного возраста (APQ-PR). *Психологические исследования*, 9(47), статья 12. <https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.471>
Loginova, S., Slobodskaya, E., Kozlova, E., Kornienko, O. (2016). Psychometric properties of a Russian version of the Alabama Parenting Questionnaire — Preschool revision (APQ-PR). *Psychological Studies*, 9(47), art. 12. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v9i47.471>

Балева М.В., Руднова Н.А., Султанова И.В., Обухова Е.Н. (2026). Стиль воспитания: прямая реакция на ребенка или скрытая функция стресса и среды? *Клиническая и специальная психология*, 15(2), 169-183.

Baleva M.V., Rudnova N.A., Sultanova I.V., Obukhova E.N. (2026). Parenting style: A direct reaction to the child or a hidden function of stress and environment? *Clinical Psychology and Special Education*, 15(2), 169-183.

6. Морозюк, С.Н., Морозюк, Ю.В., Кузнецова, Е.С. (2022). Патогенная рефлексия матери как фактор неблагополучия в детско-родительских отношениях. *Современное дошкольное образование*, 1, 48—55. <https://doi.org/10.24412/1997-9657-2022-1109-48-55>
Morozyuk, S.N., Morozyuk, Yu.V., Kuznetsova, E.S. (2022). Pathogenic reflection of the mother as a factor of adverse in child-parental relationship. *Preschool Education Today*, 1, 48—55. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-9657-2022-1109-48-55>
7. Петренко, Е.Н. (2022). *Произвольная регуляция, методы родительского воспитания и их взаимодействие как факторы психологического благополучия дошкольников: Дис. ... канд. психол. наук*. Новосибирск: Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины.
Petrenko, E.N. (2022). *Voluntary regulation, parenting methods and their interaction as factors of psychological well-being of preschoolers: Diss. Cand. Sci. (Psychol.)*. Novosibirsk: Research Institute of Neuroscience and Medicine. (In Russ.).
8. Руднова, Н.А., Корниенко, Д.С., Гаврилова, М.Н., Глотова, Г.А., Шведчикова, Ю.С. (2024). Родительские убеждения как фактор когнитивного и социально-эмоционального развития ребенка. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 47(2), 134—152. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-18>
Rudnova, N.A., Kornienko, D.S., Gavrilova, M.N., Glotova, G.A., Shvedchikova, Yu.S. (2024). Parental beliefs as a factor in the cognitive and socio-emotional development of the child. *Lomonosov Psychology Journal*, 47(2), 134—152. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-18>
9. Alizadeh, S., Abu Talib, M.B., Abdullah, R., Mansor, M. (2011). Relationship between parenting style and children's behavior problems. *Asian Social Science*, 7(12), 195—200. <https://doi.org/10.5539/ass.v7n12p195>
10. Bandura, A. (1977). *Social learning theory*. Prentice-Hall.
11. Belsky, J. (1984). The determinants of parenting: A process model. *Child Development*, 55(1), 83—96. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8624.1984.tb00275.x>
12. Bowlby, J. (1969). *Attachment and loss: Vol. 1. Attachment*. London: Hogarth Press, Institute of Psycho-Analysis.
13. Bronfenbrenner, U. (1979). *The Ecology of Human Development*. Harvard University Press.
14. Burke, J.D., Pardini, D.A., Loeber, R. (2008). Reciprocal relationships between parenting behavior and disruptive psychopathology from childhood through adolescence. *Journal of Abnormal Child Psychology*, 36(5), 679—692. <https://doi.org/10.1007/s10802-008-9219-7>
15. Cooklin, A.R., Giallo, R., Rose, N. (2011). Parental fatigue and parenting practices during early childhood: An Australian community survey. *Child: Care, Health and Development*, 38(5), 654—664. <https://doi.org/10.1111/j.1365-2214.2011.01333.x>
16. Dzhansaidova, Z., Rudnova, N., Kornienko, D., Pashenko, A. (2025). Sociodemographic predictors of perceived stress in children and their mothers. *Revista de Investigación e Innovación en Ciencias de la Salud*, 7(2), 1—20. <https://doi.org/10.46634/riics.397>
17. Fonseca, A., Moreira, H., Canavarro, M.C. (2020). Uncovering the links between parenting stress and parenting styles: The role of psychological flexibility within parenting and global

Балева М.В., Руднова Н.А., Султанова И.В., Обухова Е.Н. (2026). Стиль воспитания: прямая реакция на ребенка или скрытая функция стресса и среды? *Клиническая и специальная психология*, 15(2), 169-183.

Baleva M.V., Rudnova N.A., Sultanova I.V., Obukhova E.N. (2026). Parenting style: A direct reaction to the child or a hidden function of stress and environment? *Clinical Psychology and Special Education*, 15(2), 169-183.

psychological flexibility. *Journal of Contextual Behavioral Science*, 18(1), 59—67.
<https://doi.org/10.1016/j.jcbs.2020.08.004>

18. Hendriati, A., Okvitawanli, A. (2019). Challenges of parenting in an urban setting. *Psychological Research on Urban Society*, 2(1), art. 12. <https://doi.org/10.7454/proust.v2i1.43>
19. Kim, H.Y. (2013). Statistical notes for clinical researchers: Assessing normal distribution using skewness and kurtosis. *Restorative Dentistry & Endodontics*, 38(1), 52—54.
<https://doi.org/10.5395/rde.2013.38.1.52>
20. Mak, M.C., Yin, L., Li, M., Cheung, R.Y., Oon, P. (2020). The relation between parenting stress and child behavior problems: Negative parenting styles as mediator. *Journal of Child and Family Studies*, 29(4), 2993—3003. <https://doi.org/10.1007/s10826-020-01785-3>
21. Obaid, A.F., Rashid, A.I., Kassim, N.M. (2021). Parenting styles and children's behaviors difficulties. *Indian Journal of Forensic Medicine & Toxicology*, 15(1), 2621—2626.
<https://doi.org/10.37506/ijfmt.v15i1.13793>
22. Pinquart, M., Kauser, R. (2018). Do the associations of parenting styles with behavior problems and academic achievement vary by culture? Results from a meta-analysis. *Cultural Diversity & Ethnic Minority Psychology*, 24(1), 75—100. <https://doi.org/10.1037/cdp0000149>
23. Plomin, R., DeFries, J.C., Knopik, V.S., Neiderhiser, J.M. (2016). *Behavioral genetics*. Worth Publishers.
24. Rudnova, N.A., Kornienko, D.S. (2024). Mothers' stress as a predictor of preschoolers' stress in the context of parental practices. *Children (Basel, Switzerland)*, 11(11), art. 1274.
<https://doi.org/10.3390/children11111274>
25. Sameroff, A. (1975). Transactional models in early social relations. *Human Development*, 18(1-2), 65—79. <https://doi.org/10.1159/000271476>
26. Serbin, L.A., Kingdon, D., Ruttle, P.L., Stack, D.M. (2015). The impact of children's internalizing and externalizing problems on parenting: Transactional processes and reciprocal change over time. *Development and Psychopathology*, 27(4-1), 969—986.
<https://doi.org/10.1017/S0954579415000632>

Информация об авторах

Милена Валерьевна Балева, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), г. Москва, Российская Федерация; профессор кафедры общей и клинической психологии, философско-социологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ФГАОУ ВО ПГНИУ), г. Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Наталья Александровна Руднова, кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), г. Москва,

Балева М.В., Руднова Н.А., Султанова И.В., Обухова Е.Н. (2026). Стиль воспитания: прямая реакция на ребенка или скрытая функция стресса и среды? *Клиническая и специальная психология*, 15(2), 169-183.

Baleva M.V., Rudnova N.A., Sultanova I.V., Obukhova E.N. (2026). Parenting style: A direct reaction to the child or a hidden function of stress and environment? *Clinical Psychology and Special Education*, 15(2), 169-183.

Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Ирина Викторовна Султанова, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), г. Москва, Российская Федерация; заведующая, доцент кафедры психологии, Севастопольский государственный университет (ФГАОУ ВО СевГУ), г. Севастополь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8306-4290>, e-mail: irsan11@rambler.ru

Елена Николаевна Обухова, кандидат философских наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии детства и цифровой социализации, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (ФГБНУ ФНЦ ПМИ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3140-1010>, e-mail: e.n.obukhova@mail.ru

Information about the authors

Milena V. Baleva, Doctor of Science (Psychology), Leading Research Fellow, Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation; Professor, Department of General and Clinical Psychology, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7334-3635>, e-mail: milenabaleva@yandex.ru

Natalia A. Rudnova, Candidate of Science (Psychology), Research Fellow, Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2063-2892>, e-mail: rudnova.na@yandex.ru

Irina V. Sultanova, Candidate of Science (Psychology), Senior Research Fellow, Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation; Head of Department, Associate Professor, Department of Psychology, Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8306-4290>, e-mail: irsan11@rambler.ru

Elena N. Obukhova, Candidate of Science (Philosophy), Senior Research Fellow, Laboratory of Childhood Psychology and Digital Socialization, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3140-1010>, e-mail: e.n.obukhova@mail.ru

Вклад авторов

Балева М.В. — анализ данных; написание и оформление рукописи.

Руднова Н.А. — подготовка исследования; подготовка данных к анализу.

Султанова И.В. — организация исследования; сбор данных.

Обухова Е.Н. — методическое сопровождение сбора данных; обработка данных.

Балева М.В., Руднова Н.А., Султанова И.В., Обухова Е.Н. (2026). Стил ь воспитания: прямая реакция на ребенка или скрытая функция стресса и среды? *Клиническая и специальная психология*, 15(2), 169-183.

Baleva M.V., Rudnova N.A., Sultanova I.V., Obukhova E.N. (2026). Parenting style: A direct reaction to the child or a hidden function of stress and environment? *Clinical Psychology and Special Education*, 15(2), 169-183.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Milena V. Baleva — data analysis; writing and design of the manuscript.

Natalia A. Rudnova — study design; data preparation for analysis.

Irina V. Sultanova — study organization; data collection.

Elena N. Obukhova — methodological guidance of data collection; data processing.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 20.11.2025

Поступила после рецензирования 10.05.2026

Принята к публикации 09.06.2026

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.11.20

Revised 2026.05.10

Accepted 2026.06.09

Published 2026.06.30